
Георгию Фрумкеру

Ревет верблюд, шумит ковыль,
щебечут в небе птичьи хоры,
а где-то загребают пыль
кривые ноги Терпсихоры.

Я ж, укрепив свой скорбный дух,
страданьем, благостным и чинным,
нимфоманических старух
ножом строгаю перочинным.

И наяву или во сне,
в чем, впрочем, разница – не знаю,
присев на грязном валуне,
я трепещу и проклинаяю.

А между тем, пришла весна.
Потом прошла. Июль. Морозы.
Опушка. Волчий вой. Сосна.
Бабья надрывные неврозы.

А вот и осень. Стынет кровь.
Поэт сбегает из Олонца.

И про любовь поет свекровь
альтернативного чухонца...

Александрю Вустину

Приятеля Сальери вопрошал:
«Почто травить себя ты не мешал?»

С улыбкой Моцарт отвечал ему:
«Я твоего вопроса не пойму.

Тебе безмерно благодарен я –
ты разорвал оковы бытия

земного. И теперь на небесах
я буду петь, забыв про стыд и страх...»

Елене Данциной

Выходит кататоник на крыльцо.
Впадает в ступор. Мутное лицо

не выражает подвигов души,
но до чего же позы хороши!

Он то замрет, как пьяный акробат,
то ногу задерет. Ты знаешь, брат

мой нездоровый, он ведь тоже прав,
показывая свой беспутный нрав...

А я перехожу с судьбой на «ты» –
деменция не терпит суеты...

Собаке Баскервилей

Г
Страдает печень. Рушатся мозги.
Тоска. Темно. Не видно Божьей зги.

Болит душа и в теле тоже боль,
но помогает выжить алкоголь.

Мой кенотаф прохожий обойди.
Земля намокла. Лег туман. Дожди.

Болота. Топи. Тина. Пустота.
Мычит скотина. Видно – неспроста.

II

Бежит дорога. Рвется шум колес.
Летит, горя, по следу адский пёс.

Пускает пули пламенный стрелок,
но не изменит будущего рок.

Убить собаку – подвиг невелик,
рыдает демон, пряча в лапах лик,

старуха машет ржавым топором,
старик впускает души на паром...

Ксении Драгунской

Сжимает горло ржавое кольцо,
чужая смерть выходит на крыльцо,

оркестр играет траурную муть,
пойдите на хуй! Дайте отдохнуть.

Горят зрачки невиданных зверей,
пугает скрип несмазанных дверей,

и снова смерть выходит на крыльцо,
и снова душит ржавое кольцо.